

1 1 ФЕВ 1971

МОСКОВСКАЯ ПРАДА

МОСКВА

ЗВЕЗДА БАЛЕТА

12 февраля 1931 года Павловой исполнилось бы 50 лет. До своего юбилея балерина не дожила трех недель: 23 января ее не стало. Почти сорок лет жизни было отдано балету.

Можно сказать, что балерина всю жизнь была одинока. Ее влекла только сцена, мир театра — волшебный и таинственный. Там, в неверном свете огней рампы, в вымышленных ситуациях проходила подлинная жизнь Анны Павловой, редкий пример творческой целеустремленности, творческого подвижничества. Истоки — и в фанатической преданности искусству, и в неистощаемом трудолюбии, но более всего — в том акте сознательного отречения от так называемых радостей жизни во имя идеала совершен-

ства, форму которого Анна Павлова стремилась уловить на протяжении всей своей деятельности.

Эта форма должна была запечатлеть высший миг ощущения полноты жизни, передать ее неуловимую красоту — не в статике, но в движении. Она была романтической балериной в том смысле, что танец ее утверждал, говоря словами Т. Готье, торжество духа над материей. Таковы арабески Павловой — на старых photographиях и знаменитом плакате В. Серова к русским сезонам в Париже, арабески, за которыми закрепилось понятие загадочности, которые и впрямь невозможно определить иначе.

Балет всегда имеет дело с идеальным. Его образы, как правило, очищены от примет

и достоверности конкретного. Павлова не стремилась, подобно своим современникам, хореографу А. Горскому, к примеру, приблизить балетное искусство к бытовой реальности. Простоту и правду она искала в мудрости и совершенстве классической гармонии, в красоте духовной.

Вместе с тем Павлова полно выразила свое время. Быть может, в этом сочетании — вневременности, идеальности с реальным ощущением окружающего — и заключался ключ к творческой теме балерины.

Искусство Павловой трудно определить одним словом. Каким оно было — радостным или трагическим? Старейший советский хореограф Ф. Лопухов писал, что Павлова, как ни-

кто, умела передать в танце радость. Никия и Жизель поражали современников трагическими интонациями.

Впрочем, говорить о границах и диапазоне творчества Павловой вряд ли возможно: она танцевала буквально все — и романтических героинь, и задорных испанок, партии классические и характерные. Сама Павлова выделяла роли, где существует иллюзия отрешенности, где тюник походит на крылья бабочки, где танцовщица эфирна, призрачна.

Романтический балет в искусстве Павловой приобретал иной смысл, усложненный временем. В счастливом, безмятежном порыве тайлось умирание. Но его кульминации вырастали не из ощущения трагической безысходно-

сти. Главным был этот миг радостного упоения, ликующего танца, миг жизни.

Предшественницы Павловой, многие из ее современниц, выступавшие на одной с ней Мариинской сцене — балерины эпохи Петипа, — также утверждали духовную красоту и классическое совершенство. Но там был некий покой, успокоенность, там царил уверенность, ясность, сила. Павлова вступила в искусство с XX веком, ее танец отличался разнообразием тонов, красок, ритмов, драматическим поворотом темы, какой-то обновляющей, очищающей стихией.

Павлова рано покинула Россию. В 1913-м ее последний раз видели зрители Петербурга. Индия, Япония, Мексика — Павлова объездила весь мир, став символом русского балета и классического танца.

Павлова была утренней звездой русского балета.

А. ДЕМИДОВ.